

Цуй Ци и младший управляющий Цзи тоже приехали на повозке, поэтому Цуй Се просто перенес подарки в их экипаж и отпустил кучера домой. Поскольку они направлялись дарить подарки цяньху Се, младший управляющий Цзи счел собранное слишком скромным и ненарядным для такого визита. От имени Цуй Се он тут же докупил корзину свежих плодов «рука Будды», две коробки благовоний с печатным иероглифом «долголетие», четыре наборные шкатулки со сладостями и несколько изящных резных безделушек из слоновой кости.

Цзи Ду хотел было предложить ему купить еще и пояс из рога носорога. Цуй Се присмотрел несколько штук, но ни один не пришелся по душе, так что он решил подождать и при пошиве одежды нарисовать эскиз прямо как в кино, чтобы сделали комплект сразу. Оставив пояса, он вместо этого купил пару кубков из рога носорога и вместе со своими спутниками отправился к воротам усадьбы семьи Се.

Хотя привратник не знал их в лицо, но едва взглянув на визитную карточку с надписью «студент Гоцзыцзянь Цуй Се», тут же просиял:

— Так вы тот самый господин Цуй, занявший первое место на экзаменах и составивший «Парные изречения из Четверокнижия»! Покорнейше прошу пройти в дом и немного отдохнуть. Наш господин ушел с утра в Управление Чжэньфусы, но должен скоро вернуться.

Цуй Се достал серебро, чтобы дать на чай, но Пэн Янь опередил его и уже протянул монету. Слуга у ворот поспешно запротестовал:

— Наш господин высоко ценит книги господина Цуй, да и в доме о вас часто вспоминают. Как я могу взять с вас серебро?

После пары минут взаимных вежливых уговоров привратник все же принял деньги и проводил гостей в гостиную. Большинство слуг в семье Се слышали имя Цуй Се и знали его историю. Увидев, как привратник ведет шестнадцати-семнадцатилетнего юношу — студента Гоцзыцзянь, чья яркая красота приковывала взоры, — они тут же стали шептаться, не господин ли это Цуй.

Се Шань знал его в лицо, поэтому издали поспешил навстречу с окликом:

— Молодой господин Цуй! Какими судьбами вы к нашему господину?

Цуй Се улыбнулся:

— А, братец Се! Я уже давно прибыл в столицу, но до сих пор не засвидетельствовал свое уважение цяньху, вот и пришел сегодня навестить его.

Цуй Ци тоже с улыбкой поздоровался: «Дядюшка Се Шань!». Лишь младший управляющий Цзи почти не знал его и в этом поместье Цзиньвэй чувствовал себя скованно, потому лишь низко наклонил голову и почтительно поприветствовал.

Се Шань с сияющим лицом ответил на приветствие. Сколько раз ему приходилось мотаться в Цяньань! Теперь же, видя, что Цуй Се сам пришел с визитом, он понял, что больше ездить туда не придется. Про себя трижды сотворив молитву Будде, он принял гостей с удвоенным радушием.

Старому управляющему семьи Се тоже хотелось взглянуть на юного гения, соблазнившего их цяньху к чтению книг. Он лично велел подать чай и фрукты, присел в боковой гостиной и завел с Цуй Се разговор, поинтересовавшись, что привело его к их цяньху.

Цуй Се ответил с улыбкой:

— Мне давно следовало навестить цянью, но дома возникли кое-какие дела, и совсем не было времени. Сегодня в Гоцзыцзянь как раз выходной, вот я и принес скромные подарки. Покорнейше прошу вас, почтенный, передать их цянью.

Цуй Ци подошел и вручил от его имени свежую опись подарков. Старый дворецкий поднялся, принял бумагу и с широкой улыбкой произнес:

— Господин Цуй слишком великодушен! Как только господин вернется, старик лично перенесет все вещи, чтобы он на них взглянул. Нельзя же пренебречь столь добрым расположением господина.

Бегло пробежав глазами опись и увидев там обычные товары, которые можно купить на рынке, а не прежние книги и картины, он не удержался от легкого вздоха сожаления.

Прежние две картины были куда лучше этих мирских вещей, да и их цянью любовался ими с великим удовольствием. Находясь в Цянью, молодой господин Цуй охотно дарил картины, почему же по прибытии в столицу перестал?

Желая добра Се Ину, дворецкий, пользуясь своим преклонным возрастом и давней службой в доме, набравшись смелости, спросил:

— Сказать по правде, нашему цянью куда больше по душе ваши картины и книги. Те два прежних свитка до сих пор висят в его личных покоях для любования, а выдержавшие издание «Парные изречения из Четверокнижия» он и вовсе не выпускает из рук. Старый слуга дерзнет спросить: не появилось ли у вас, господин, новых произведений?

Сердце Цуй Се екнуло, и он воспользовался случаем:

— Учеба сейчас не отнимает у меня много времени, и я как раз учусь писать портреты в полный рост. Если цянью не сочтет за дерзость, я бы с радостью написал его портрет. Вот только на глаз трудно точно определить его рост и телосложение — боюсь выписать фигуру дурно, не похожей на оригинал.

Управляющий Се, видя, что тот охотно соглашается, да еще и на такое крупное полотно, с радостью воскликнул:

— Да я же помню все его мерки! Сейчас запишу для вас... Та картина с всадником, что вы написали в прошлый раз, была превосходна! А уж если нарисовать его в чиновничьем одеянии, с серебряным цветком на шапке, поясе с макростигмой-драконом и с нефритовой дощечкой в руках — будет еще краше!

Цуй Се качнул головой и профессиональным тоном возразил:

— Все пишут портреты в чиновничьих халатах, оттого они и выглядят заурядно. Такому человеку, как цянью, куда больше пойдет элегантный и изысканный наряд. Я нарисую его в халате-тъели и плаще — уверяю вас, этот образ подчеркнет его достоинства так, что другим за ним вовек не гнаться.

Управляющий Се заметил:

— И чем же хорош тъели? Чиновничий халат с прямым покроем куда лучше — солидно! Да и

если, подобно Гу Чанкану, пририсовать ему на щеках пару редких волосков бороды, выглядеть будет еще внушительнее!

Что за странные понятия о красоте — пририсовывать бороду? Гу Кайчжи пририсовал бороду Пэй Каю потому, что тот не принадлежал к реалистам и передавал дух, а не форму! Но сам-то Цуй Се — реалист! Каким цяньху Се вырос, таким его и следует изобразить!

Максимум слегка сгладить кожу да наложить фильтры...

Словом, художник ни за что не должен уступать заказчику!

Даже не упоминая о бороде, Цуй Се твердо сказал:

— Почтенный, вы заблуждаетесь. Чиновничье облачение слишком сковывает, оно не идет молодым людям. Вот станет цяньху постарше — тогда такой образ и будет к месту. А в его нынешние лета положено носить изысканные, утонченные одежды. Картина пишется долго, поэтому я сначала велю сшить наряд и прислать его сюда. Стоит ему примерить — и вы увидите: во всем Пекине не сыскать второго столь статного мужа...

— Кхм.

Легкий кашель у дверей неожиданно прервал их искусствоведческий спор. Цуй Се повернул голову и увидел у порога силуэт в сине-зеленом халате-еса. Знакомое, невероятно красивое лицо в лучах света было обращено к нему.

Речь, лившаяся из Цуй Се неиссякаемым потоком, мгновенно застряла в горле. Он смотрел на вошедшего, не в силах вымолвить ни слова. Старый управляющий Се поспешно поднялся и с некоторой неловкостью спросил:

— Господин вернулся?

Се Ин еще во дворе слышал их оживленное обсуждение того, стоит ли пририсовывать ему бороду, а подойдя к дверям, отчетливо уловил слова Цуй Се про «во всем Пекине не сыскать второго».

Сопровождавшие его слуги угодливо отступили на пару шагов и опустили головы, делая вид, будто ничего не слышали. Се Ин остался стоять у входа в боковую гостиную. Заметив, что Цуй Се умолк, он кивнул троим стоявшим, вошел в зал и, опустив взгляд, спросил:

— Чем обязан визиту господина Цуй в мой скромный дом?

Цуй Се подсознательно потрогал щеки — вроде не горят. Приняв непринужденный вид, он улыбнулся, поднялся и поклонился, сложив руки перед грудью:

— Господин цяньху слишком вежлив! Перед вами я навсегда останусь тем самым Цуй Се, так что можете называть меня просто по имени. Я пришел с визитом слишком поздно, хотя мне давно следовало выразить свою благодарность за вашу прежнюю защиту и покровительство.

Одно-единственное слово «прежняя» охватывало все дело семьи Цуй от начала и до конца.

Цяньху Се поймал его взгляд, сразу все понял и, качнув головой, со смешком ответил:

— Братец Цуй постоянно зовет меня «господином» — разве это не излишняя церемонность? Раз уж ты до сих пор готов общаться со мной, простым военным, я тоже не стану отстраняться.

Я старше тебя на несколько лет, так что зови меня просто братом Се.

Цуй Се тут же отозвался:

— Брат Се! — и перешел к разговору о портрете и пошиве одежды: — Я вовсе не намеревался проявлять к вам неуважение, а лишь подумал, что брат Се молод и хорош собой, так что дома вам полагается носить нечто изысканное и свободное.

Се Ин усмехнулся:

— В красоте мне с тобой точно не сравниться. Но ведь и сам ты еще в юных летах — тебе бы тоже не помешало сшить пару добрых нарядов.

В Цяньани тот жил в лишениях, и ходил в чем попало — это ладно. Но почему по возвращении в столицу он не сшил себе пару элегантных шелковых халатов, а пришел на встречу в форменной мантии Гоцзыцзянь? На плечах мантия сидит мешковато, на рукавах и талии заметны следы ушивки — неужели у них не нашлось средств на новый костюм?

Ему было неизвестно, что эту одежду Цуй Се выдали только позавчера и он еще не успел перешить ее по фигуре, к тому же сегодня прибежал к нему прямо после занятий, пожалев времени на заезд домой.

Се Ин тихо вздохнул про себя и отдал приказание слугам:

— Я пойду переоденусь, а вы проводите молодого господина Цуй в покои и устройте надлежащий прием.

Старый управляющий проводил Цуй Се в гостиную главных покоев, где Се Шань уже развлекал разговором младшего управляющего Цзи и Цуй Ци. Переодевшись, Се Ин вышел к гостю, вновь обменялся с ним приветствиями и спросил:

— Братец Цуй снова пришел вручить подарки?

Цуй Се ответил:

— Именно так. Вернувшись домой, я располагаю лучшими вещами, чем в Цяньани, поэтому выбрал живые цветы и цветочную эссенцию, чтобы в комнатах брата Се стоял приятный аромат. А еще...

— А еще братец Цуй собирается сшить для меня изысканный наряд, — смеясь, Се Ин усадил его на кресло слева, сам сел справа от него и через чайный столик произнес: — В моем доме нет недостатка в халатах-еса, тьели или даху. Но вот во время нашего расставания братец обещал сложить для меня стихи... Появились ли они теперь?